

Чернобыльская АЭС: десять лет после часа "Ч"

15 декабря исполнилось десять лет с момента останова третьего, последнего из действовавших, блока ЧАЭС

"Десять лет — это срок", — в свое время и по другому, естественно, поводу сказал лидер "ДДТ" Юрий Шевчук. За десять лет существенно изменилось и само предприятие, и его персонал, и мир вокруг него. Какими мы были и какими стали, чего достигли и что, вероятно, потеряли, куда идем — об этом наш сегодняшний разговор.

Майя РУДЕНКО,
фото из архива
информационного отдела
ГСП ЧАЭС

(Продолжение.
Начало в №50)

Рассказывает Виктор КУЧИН-СКИЙ, на момент останова — начальник смены третьего энергоблока:

— Если коротко — был уверен, что останова не будет. Тот период времени, в преддверии дня закрытия, морально был очень тяжелым. Категорическое неприятие ситуации вызывало протест, и мы все-таки обсуждали даже вариант проведения акции неповиновения! Совместно с начальником 5-й смены станции Б.А. Барановым было принято решение: отказаться выполнять указание президента отключить блок и заявить в прямом эфире, что оно противоречит интересам нашего государства и народа Украины. Не сложилось — публичный, театральнотрагический останов энергоблока выполняла не наша смена. Думаю, что придет время и обществу непременно станет известно, когда и как на самом деле был реально остановлен последний из работающих энергоблоков Чернобыльской АЭС.

— Это решение, на ваш взгляд, было оптимальным для Украины?

— В области использования ядерной энергии в части радиационной защиты есть очень хороший принцип — принцип оправданности при принятии решений. Так вот, решение об останове ЧАЭС этому принципу противоречит. Вреда для населения и государства оно принесло куда больше, чем пользы. В 2000 году третий энергоблок имел проектный ресурс до 2011 года, то есть он мог работать еще 11 лет. Кроме того, в его безопасность были вложены огромные средства. Далее: в 2000 году один работающий блок выдавал товарной продукции на 300 млн долларов в год. Этих денег хватало на содержание персонала, инфраструктуры города Славутич и для подготовки и снятия с эксплуатации остановленных к тому времени первого, второго блоков. Решение об останове — полностью политическое решение! — было принято без подготовки персонала и блоков к снятию с эксплуатации, без создания необходимой для этого инфраструктуры. Подчеркиваю — без предварительной подготовки снятия с эксплуатации невозможное! Отсюда следует, что само решение — ошибочное, оно и есть причина всех неуспешных мероприятий, которые имеют место быть сейчас. Третий блок реально можно было остановить в конце текущего года, но уже с проектом, построенной за собственные средства инфраструктурой

турой и, более того, полностью выполнить все мероприятия и подготовить к длительной выдержке первый и второй энергоблоки.

...Скупые кадры кинохроники навсегда сохранили для неравнодушных страшный для персонала момент останова блока. Повернут ключ АЗ-5. Взрослые, сильные, профессионально подготовленные, специалисты своего дела, мужики молча и нервно курят. Глаза... В глаза, на которых то и дело останавливается камера, лучше не смотреть: каждый взгляд — сгусток боли и безысходности. Чуть позже остановившая блок смена положит красные гвоздики на плиту биологической защиты реактора. У всех на рукавах — черные повязки. Это не позерство, не демонстрация — это позиция, достойная уважения.

Когда цель НЕ оправдывает средства

Можно без преувеличения сказать: то была трагедия целого коллектива и целого города. История, конечно, знает случаи, когда такой вот "рывок по живому" приносит в будущем реальную пользу. Но и сегодня, с учетом опыта десяти лет, прошедших после 15 декабря 2000 года, представители топ-менеджмента станции уверены: пользы делу успешный останов третьего блока не принес.

Александр НОВИКОВ, заместитель директора технического по безопасности, тогда — начальник отдела ядерной безопасности:

— Эмоциональное состояние тех, кто находился на БЦУ-3 в тот день, было очень тяжелым. Мужики, которые прошли огонь, воду и медные трубы, плакали навзрыд — это о многом говорит. Несмотря на то, что прошло 10 лет, чувства остались те же самые. А было, не боюсь признаться, чувство растерянности: я лично не понимал, чем я буду заниматься дальше. Потому что весь мой предыдущий жизненный опыт, учеба, работа, все мои знания были направлены на достижение одной цели — 3200 МВт номинального уровня тепловой мощности реактора. А вопрос снятия с эксплуатации был для меня абсолютно непонятным и абстрактным. Второе чувство — чувство обиды. В 1986 году был сделан колоссальный объем работ, чтобы пустить первый и второй блоки. Третий блок пустили в 1987 году, и понятно, что объемы работ, выполнявшихся на третьем блоке, были еще большими — в виду его непосредственной близости к разрушенному четвертому. И просто так отдать жизнь, здоровье, энтузиазм людей, просто так остановить блок, мне казалось, мягко говоря, не очень этично. Третья составляющая — эмоциональная пустота, по-

тому что проходило это все с каким-то недостойным пафосом, громко, можно даже сказать, празднично, но черные повязки на рукавах оперативно-го персонала, на мой взгляд, составляли все на свои места в части нашего отношения к этому событию.

15 декабря, когда ВИУР Баштовой повернул ключ, я понял, что начался какой-то другой этап в моей жизни, жизни всех людей, которые работали на станции, в жизни моей семьи и моей страны. И если эти чувства как-то видоизменились, то в глобальном смысле они никуда не ушли.

Я до сих пор считаю, что останов блока — это была ошибка Украины. Мы не были готовы к нему, и прошедшие 10 лет подтверждают это. До сих пор мы находимся в неопределенном этапе, который называется "подготовка к снятию с эксплуатации", а цель, которую мы преследуем, для меня пока выражается в обеспечении безопасности на этом этапе. Но хотелось бы видеть четкую и ясную цель. Как я уже говорил: 3200 тепловых МВт — это цель ясная и понятная, а сейчас... Просто так вот закрыть всё, что создавалось людьми, даже обеспечив вывоз топлива, обращение с отходами, — мне это кажется неразумным, бесхозяйственным. Создать на площадке станции какое-то другое предприятие, работа на котором стала бы целью для многих людей, — вот это, как мне кажется, был бы разумный, адекватный шаг.

— До сих пор идут разговоры о том, что третий блок якобы был небезопасен, поэтому его так по-быстрому и закрыли.

— Это миф. Слишком много было вложено сил, уже в послеварийный период, для того, чтобы сделать блок надежным, безопасным, управляемым, стабильным. Это уже происходило у меня на глазах, и я в этом принимал определенное участие. Новая система управления и защиты, новое топливо... Чернобыльская АЭС первая получила право перейти на новый вид топлива, которое повсеместно сейчас используется на других АЭС с реакторами РБМК. По уровню безопасности, по техническим мероприятиям, которые были выполнены на третьем блоке, мы были вообще впереди планеты всей, третий блок можно было считать образцовым, нашим конкурентом была только Ленинградская АЭС. По своей части могу сказать, что по нейтронно-физическим характеристикам это вообще был один из

лучших блоков на просторах бывшего СССР.

— Бытует мнение, что остановленный блок не представляет никакой опасности, тогда как действующий... Это, как вы помните, был один из главных аргументов, которыми оперировали сторонники закрытия ЧАЭС.

— Опасность — это не наш термин. Правильнее говорить о рисках, об уровне безопасности, критериях безопасности. Конечно, эксплуатация блока на мощности образует больше рисков, чем остановленный блок. Но даже остановленный, он представляет собой объект, с которым в части обеспечения его безопасности нужно обращаться очень аккуратно. И вся деятельность на станции как раз и была направлена на то, чтоб сделать блок еще более безопасным, чтобы свести риски до минимального уровня. На третьем блоке был проведен ряд последовательных шагов, чтобы этот уровень обеспечить. Первый шаг — полная выгрузка топлива из активной зоны, то есть из того устройства, которое предназначено для цепной ядерной реакции. После этого топлива находилось в приреакторных бассейнах выдержки. В 2010 году мы полностью освободили третий блок от отработавшего ядерного топлива. Логика, даже у обывателя, простая — раз нет топлива, значит, блок стал более безопасным. Риски, связанные с ядерными материалами, были устранены, но остались риски радиационного характера. Так как вся реакторная установка представляет собой высокоактивные радиоактивные материалы, то все оборудование, которое эксплуатировалось, также имеет загрязнение, поэтому наша задача на этапе снятия с эксплуатации заключается в том, чтобы создать систему барьеров, которая не позволила бы радиоактивным веществам выйти за пределы реакторной установки. Я уверен, что те мероприятия, которые мы выполняем, обеспечат необходимый уровень безопасности. В наших планах провести такие работы

по повышению безопасности ХО-ЯТ-1, которые позволят энергоблок №3 перевести в статус объекта по обращению с радиоактивными отходами, как требуют правила. Соответственно, требования к такому объекту будут иными и риски при этом будут значительно меньшими, чем в том состоянии, в котором находится блок даже сейчас. Поэтому надеюсь, что даже в условиях тяжелого финансового положения мы это сделаем. Весь предыдущий опыт работы на ЧАЭС доказывает, что персонал, который здесь работает, справится с задачами любой сложности.

— Какой бы вариант развития для нашей станции вы предложили, если бы 10 лет назад вас послушали?

— Если говорить исключительно о третьем блоке, то, даже с учетом остановленных блоков первой очереди, я бы все-таки продолжил его работу. После всех выполненных мероприятий — любой оперативник это подтвердит! — реактор был совершенно другой, чем в 1990—1995 годах: практически завершен переход на новое топливо, новая СУЗ, новые датчики! Как было жалко 15 декабря 2000 года терять такой хороший, красивый аппарат!

Если бы можно было повернуть время вспять, я бы начал еще раньше: пустил бы второй блок на 50% мощности, не останавливал бы первый, обеспечил бы работу третьего. То есть создавал бы тот самый фонд снятия с эксплуатации, которого сейчас абсолютно нет.

Здесь даже не нужно ничего придумывать, вот такого же типа станция — Игналинская. На Игналине тоже возникли условия, когда необходимо было закрыть оба блока. Но тем не менее за то время, пока блоки еще производили товарную продукцию, были созданы условия для их вывода из эксплуатации — зарабатывались деньги, при значительной помощи европейского сообщества была построена та инфраструктура, которой сейчас не хватает нам.

Окончание следует